

Третий Клермон

Последний французский наш съезд собрался при самых неблагоприятных предзнаменованиях. В Движении заранее ходили слухи о том, что Съезд будет не интересен. Были ли эти слухи отражением недовольства официальной программой — ярко «общественной» — или же односторонним учетом съездовского состава, судить не берусь. Несомненно, однако, что эти слухи отразились и на составе — конечно отрицательно.

Съезд оказался малолюднее, чем ожидали строители, и главный пробел падает на наш актив, на старых членов Движения. Из общего числа участников Съезда — 125 человек, только 25-30 человек старых членов и человек 15-20 духовенства и профессоров. Слабость центра противопоставила друг другу два разнородных и трудно объединимых крыла: пожилых гостей, большей частью впервые посещающих наш Съезд, и массу молодежи, той самой юной молодежи (14-18 лет), которая с прошлого года заполняет парижский «Монпарнас» шумной толпой, вливается в разные организации Детско-юношеского отдела. Что можно было предложить такой смешанной аудитории? На каком языке говорить с ней? Устроители, отказавшись от отдельного «юношеского» Съезда, и не желая вместе с тем снижать до детского уровня идейного содержания докладов, пошли на опасный эксперимент. Их понятная тревога не могла не передаться старым членам кружка, усиливая опасный абсентеизм.

По случайному стечению обстоятельств на Съезд не могли приехать и принять в нем участие и духовные руководители Движения: еп. Сергей, о. Сергей Булгаков, о. Сергей Четвериков. В самый последний момент припадок сердечной болезни помешал приезду из Ниццы архиеп. Владимира. Митрополит Евлогий мог присутствовать и председательствовать лишь на первом заседании, чтобы вернуться на съезд к его молитвенному заключению.

Последний ответственный доклад о духовной жизни взял на себя поздно приехавший и незнакомый большинству членов о. Григорий Ломако.

Духовенство на Съезде было представлено не скудно, но не было ведь любимых вождей, которые одни, казалось, могли бы объединить и увлечь всех этих мучительно разных и незнакомых друг другу людей.

При таких условиях неожиданный успех Съезда представляется поразительным, почти чудесным. Успех — слишком слабое слово. О той духовной атмосфере, в которой заканчивался III Клермон, хотелось бы сказать словами одного православного француза, участника Съезда: «*La grâce de Dieu était presque tangible*».

Эта волна увлекала сопротивляющихся, творила действительные обращения. Крещение юноши, присоединение девушки-католички, обращение двух оккультистов-теософов, из которых один человек недюжинной воли и эрудиции, защищал с отчаянной дерзостью свои позиции в одном из семинаров — эти явные манифестации Божией благодати подтверждают общее впечатление. Если разобраться в отдельных волнах этого нарастающего прилива, то, прежде всего, надо отдать должное молодежи. Это она затопила все волной чистоты, растрогала стариков, создала высокую настроенность ожидания. Боялись, что этих мальчиков и девочек трудно будет собирать в зал заседаний и даже в церковь, что они разбегутся по полям. Посещаемость собраний оказалась выше, чем на прошлом Съезде, не было и речи о каких-либо напоминаниях. Многие отмечали и остроту интеллектуальных запросов, как раз самого юного слоя. Во всяком случае профессорские лекции оказались ему по плечу. С сожалением приходится сознаться, что сами эти лекции и темы их, несмотря на их внутреннюю объединенность, мало затронули молодежь, вызвав в ней лишь поверхностный интерес. Они сломали первый лед, создали интеллектуальное общение, но не они ни общие собрания поднимали и несли религиозную волну. Гораздо больше дали семинары, темы которых самые разнообразные, совершенно не были связаны с докладами общих собраний. Но, конечно, как всегда, главное дело совершалось в храме, а здесь; всенощная под праздник преп. Сергия — первая всенощная Съезда, означала

решительный перелом. С этого вечера интеллектуальная атмосфера Съезда явно превратилась в религиозную. Но нельзя было предвидеть, чем разрешится это напряжение. В четверг и пятницу произошли события, непредвиденные никем, — настоящее чудо Клермона. На Съезде в числе других священников присутствовал о. Лев Жилле, француз по национальности, совсем недавно перешедший в Православие, католический иеромонах восточного обряда. Не многие на Съезде знали, какую большую силу приобрела наша Церковь в лице о. Льва. Стесняясь говорить по-русски, он первые дни, кажется, чувствовал себя довольно одиноким среди нас. В четверг ему пришлось выступить в семинаре по инославным исповеданиям с рассказом о своем духовном пути. Впечатление, произведенное им на молодежь, было потрясающим. Сделаны были все усилия, чтобы в пятницу могла быть совершена французская литургия (по благословению владыки митрополита, как выражение любви к новому брату). Оказалось возможным, к сожалению, совершить лишь смешанную, славянско-французскую литургию. Евангелие и проповедь по-французски были предоставлены о. Льву. Он выбрал своею темою вечерю в Эммаусе, где ученики узнают Христа «в преломлении хлеба». Развив мысль, брошенную о. Булгаковым на прошлогоднем Съезде как о пути в Эммаус, рядом с еще неузнанным Христом, который открывается в последней трапезе. Его слово, превосходное с точки зрения ораторского искусства, было для нас подлинной встречей с Христом в личном пути говорившего. Один из участников Съезда сказал: «О. Лев говорит о своей любви к Св. Руси, а сам показывает нам Святую Францию». Особенно поражало напоминание о. Льва о близости русских могли под Верденом, и то, как он говорил о русских воинах. О. Лев сам был на фронте в русском секторе, и впечатление произведенного на него, тогда еще мирянина, этим опытом соприкосновения с русской душой было одним из самых сильных моментов его духовного пути к Православию. В его лице мы почувствовали живую связь с безвестными усопшими. Они возвращали нам плоды, выросшие на их могилах. Они умерли, сражаясь за Францию, и

дали России и Церкви православной нового преданного сына. Родное и вселенское сливалось здесь, — как редко, быть может, — в подлинном ощущении присутствии Христа.

Я останавливаюсь на этом слове о Льва потому, что это был вершинный момент Съезда. Часто на наших встречах происходят эти неожиданные духовные события, которые налагают свою печать на лицо Съезда. В прошлом году таким событием был «День России» — в праздник Казанской Божией Матери. В этом году это был день «Святой Франции», живой опыт вселенской природы Церкви.

Как много дается нам, сверх ожидания и заслуг, на наших Съездах и, как мало мы умеем использовать эти дары. За великолепным подъемом начинаются будни, токи драгоценной энергии, рассеиваются в пространстве. Трудовая аскеза всегда отстает от благодатных радостных встреч. Нынешний Съезд оставляет большой материал для раздумий.

Несмотря на его торжественное заключение, он свидетельствует о тяжелом кризисе, переживаемом Движением. Уклонение от Съезда большинства старых участников его — симптом еще более серьезный, чем замирание кружковой деятельности. Но в то же время опыт «юношеского» Съезда дает надежды на будущее. Наше Движение всегда страдало от недостаточного прилива молодых сил. Студенческое по имени, оно объединяет в своих рядах людей, в среднем, 30-летнего возраста. Люди, взявшие от Движения все, что оно могло им дать, разрешившие свои сомнения, твердо ставшие на церковной почве, скучают в кружках, уходят из них, становятся иногда врагами Движения. Может быть, поколение, вынесшее на своих плечах мировую и гражданскую войну, и не имеет достаточный запас сил для активной миссионерской работы. Станным образом, между этим поколением и юношами из нового Отдела зияет 10-тилетняя возрастная брешь. У старых кружков нет естественного питания снизу. И вот оказывается, что юношеские кружки уже созревают. Во всяком случае, их верхушки более подходят к типу студенческих объединений, чем

иные из наших старых кружков. Они несут с собой и жар духовных исканий и жажду дела. Старым кружкам надо серьезно поставить вопрос о том, могут ли они постепенно вобрать в себя свежий материал, обновляясь вместе с ним или же молодежь, создав для себя свои формы работы, просто пройдет мимо «стариков». Из старых ячеек кружки о. Л. Липеровского дают удачный опыт работы с новым поколением молодежи. Мы должны внимательнее приглядываться к парижскому юношескому «клубу», стать ближе к скаутским организациям и содружествам, заполнить образовавшуюся в Движении возрастную брешь. Быть может в этом залог исцеления многих недугов нашей работы, которые в таком случае окажутся лишь неизбежными болезнями роста.

Г. Федотов

Париж